

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЛШИБИЕВ И БЕРОВ против РОССИИ»

(жалоба № 63748/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 8 • Частная и семейная жизнь • Краткосрочные свидания с лицами, находящимися под стражей, исключающие любой физический контакт и проводимые в присутствии охранника • Отсутствие доказательств, свидетельствующих об опасности заключенного или наличии угрозы безопасности или риска сговора в оправдание этих мер • Невозможность для заключенных, которые не были осуждены, иметь длительные свидания в течение более десяти лет • Ограничения, применяемые в общем порядке • Несовершенства внутреннего законодательства в отношении разумных сроков продолжительности досудебного содержания под стражей и уголовного производства, оказывающие негативное влияние на право на уважение частной и семейной жизни • Чрезмерно длительный период предварительного заключения в отсутствие физического контакта, препятствующий поддержанию приемлемого или достаточного контакта с семьями

СТРАСБУРГ

9 июня 2020 г.

Вступило в силу 9 сентября 2020 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ПШИБИЕВ И БЕРОВ против РОССИИ»

По делу Пшибиев и Беров против России,

Европейский суд по правам человека (третья секция) заседая Палатой в следующем составе:

Пол Лемменс, *председатель,*

Дмитрий Дедов,

Алена Полачкова,

Мария Элосеги,

Джилберто Феличи,

Эрик Веннерстрём,

Лоррен Шембри Орланд, *судьи,*

и Милан Блашко, *секретарь секции,*

принимая во внимание:

вышеупомянутую жалобу (№ 63748/13) против Российской Федерации, которую 7 августа 2013 года два гражданина данного государства, г-н Батыр Хазреталиевич Пшибиев (далее – первый заявитель) и г-н Аслан Борисович Беров (далее – второй заявитель) направили в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция),

замечания сторон,

после обсуждения в совещательной комнате 19 мая 2020 года,

вынес следующее постановление, принятое в этот же день:

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящее дело связано с невозможностью для заявителей (лиц, содержащихся в следственном изоляторе) воспользоваться правом как на краткосрочные свидания со своими родственниками на должным образом обоснованных условиях, так и на длительные свидания.

ФАКТЫ

1. Заявители родились в 1978 и 1981 годах соответственно. Они находятся в заключении в Кемерово и Свердловске соответственно. Их представителем выступила А. Кушлейко, юрист неправительственной организации «Правовое содействие - Астрейя», зарегистрированной в г. Москве, Россия, и сотрудничающей с фондом «Stichting Justice Initiative», действующим на основе нидерландского законодательства, и зарегистрированным в г. Утрехте, Нидерланды.

2. Власти России (далее – Правительство) были представлены г-ном М. Гальпериным, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

3. 15 октября 2005 года группа вооруженных людей напала на несколько государственных учреждений в г. Нальчике, Кабардино-Балкарская Республика (см. в этой связи дело «Пшибиев против России» (реш.), № 4271/06, 3 ноября 2011 г.).

4. В связи с возбуждением уголовного дела по событиям 15 октября 2005 года заявители были задержаны и помещены в следственный изолятор. Их поместили в следственный изолятор № ИЗ-7/1 г. Нальчика (далее – СИЗО): первый заявитель был направлен туда 22 октября 2005 года, второй заявитель – 24 октября 2005 года (29 октября 2005 года – по версии Властей).

5. Во время содержания в следственном изоляторе заявители получили разрешение на несколько краткосрочных свиданий со своими семьями и родственниками в СИЗО (см. пункты 13-17 ниже о положениях внутреннего законодательства, регулирующих свидания такого рода). Например, из материалов дела следует, что первый заявитель получил пять краткосрочных свиданий в 2008 году (1 марта, 13 мая, 18 июля, 12 сентября и 12 декабря 2008 года). Разрешенные заявителям свидания проходили в комнатах, оборудованных перегородками, которые не допускали никакой возможности иметь физический контакт с посетителями. Общение участников дела с посетителями осуществлялось через переговорное телефонное устройство, которое могли прослушивать сотрудники следственного изолятора.

6. 12 сентября 2011 года заявители направили в Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики ходатайства о предоставлении им длительного свидания с членами их семей.

7. Письмом от 14 октября 2011 года Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики отклонил указанные ходатайства. В ответе Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики указывается, что действующее законодательство не допускает предоставления длительных свиданий с родственниками лицам, находящимся под стражей. В письме также уточняется, что в соответствии с частью 3 статьи 18 Закона № 103-ФЗ от 15 июля 1995 года «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Закон № 103-ФЗ) лица, находящиеся в следственном изоляторе, имеют право исключительно на свидания продолжительностью не более трех часов и под контролем сотрудников мест содержания под стражей. В конце письма говорится, что уголовно-процессуальное законодательство не требует вынесения судебных решений по ходатайствам, связанным со свиданиями с родственниками.

8. В июле 2012 года заявители подали новые ходатайства о предоставлении им длительных свиданий с родственниками.

9. В своем письме от 31 июля 2012 года Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики отказал им в удовлетворении вышеназванных новых требований на основаниях, схожих с теми, что были изложены в ответе от 14 октября 2011 года.

10. 14 сентября 2012 года заявители обратились в Конституционный Суд Российской Федерации. В своем обращении они оспаривали конституционность части 3 статьи 18 Закона № 103-ФЗ, поскольку она исключает возможность получить разрешение на длительное свидание с семьей лицам, находящимся в следственном изоляторе.

11. Определением от 7 февраля 2013 года № 133-О Конституционный Суд отклонил жалобу заявителей. Относящиеся к делу выдержки из этого решения гласят следующее:

«2.2. Статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации допускает возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в качестве средства защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, [или] обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Конституционный суд Российской Федерации неоднократно указывал в своих решениях, что публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости [и если они] являются адекватными, пропорциональными, необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей (...). В частности, эти ограничения допустимы в случаях, связанных с применением задержания, заключения под стражу или с лишением свободы во всех иных формах, [осуществляемых] на [предусмотренных] законом основаниях, в надлежащей процедуре, с санкции суда, в рамках установленного [законом] или контролируемого [судом] срока.

Из статей 97, 98 и 108 УПК Российской Федерации в их нормативном единстве следует, что (...) заключение под стражу связано с принудительным пребыванием подозреваемого [либо] обвиняемого в ограниченном [физически] пространстве, с изоляцией [вследствие этого] от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, т. е. с непосредственным ограничением самого права на свободу и физическую неприкосновенность. Ограниченность предоставляемых подозреваемому или обвиняемому свиданий по их количеству, [а также] продолжительности и условиям проведения [свиданий] является неизбежным следствием данной меры пресечения, состоящей в изоляции [указанного] лица в специальном [предназначенном для этих целей] месте под охраной (определения Конституционного суда Российской Федерации от 1 июля 1998 года № 159-О, от 13 июня 2002 года № 176-О, от 16 октября 2003 года № 351-О и от 17 июня 2010 года № 807-О-О).

2.3. Согласно статье 3 Закона [№ 103-ФЗ] содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых осуществляется в целях, предусмотренных

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ПШИБИЕВ И БЕРОВ против РОССИИ»

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Такими целями служат недопущение возможности [для указанных лиц] сокрытия от дознания, предварительного следствия или суда, предотвращение возможного продолжения преступной деятельности [такими лицами], недопущение угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств либо иного воспрепятствования производству по уголовному делу; при этом мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана лишь в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет (...) и при условии, что невозможно применить иную, более мягкую, меру пресечения (часть 1 статьи 97 и статья 108 УПК [Уголовно-процессуального кодекса] Российской Федерации).

Для достижения указанных целей в местах содержания под стражей устанавливается режим, обеспечивающий соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, а также их изоляцию; элементами [такого режима] являются [в том числе] налагаемые на них [подозреваемых и обвиняемых] ограничения относительно переписки, получения посылок и передач, предоставления свиданий с родственниками и иными лицами и пр. (статьи 15, 16, 18, 20, 21 и 25 Закона № 103-ФЗ).

В соответствии с частью 3 статьи 18 Закона № 103-ФЗ подозреваемым и обвиняемым на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело [возбужденного против них], может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью до трех часов каждое. Данное законоположение вводит четкие ограничения, касающиеся периодичности предоставления свиданий подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, их длительности, и закрепляет разрешительный порядок решения вопроса об их предоставлении. В то же время оно не может быть истолковано как дающее правоприменителю [осуществляющему исполнение закона] возможность отказывать в предоставлении свиданий без достаточно веских оснований, связанных с необходимостью обеспечения прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия по уголовным делам; такого рода отказы должны оформляться в виде мотивированного постановления и могут быть обжалованы прокурору или в суд общей юрисдикции (определения Конституционного суда Российской Федерации от 1 июля 1998 года № 159-О, от 13 июня 2002 года № 176-О, от 16 октября 2003 года № 351-О, от 17 июня 2010 года № 807-О-О и от 17 июля 2012 года № 1334-О).

Наличие указанных ограничений вызвано спецификой уголовного судопроизводства, а также теми целями, которые стоят перед заключением под стражу как мерой процессуального принуждения и которые отличны от целей и задач, непосредственно связанных с режимом отбывания назначенного судом наказания в местах лишения свободы, включающим в себя [в той мере, в которой предполагает такой режим отбывания] при определенных условиях право на длительные свидания (статья 89 УИК [Уголовно-исполнительного кодекса] Российской Федерации).

Вместе с тем предусмотренные оспариваемой нормой ограничения длительности свиданий подозреваемых и обвиняемых [которыми они могут воспользоваться], содержащихся под стражей, действуют лишь в период применения меры пресечения в виде заключения под стражу, продолжительность которого не может выходить за пределы разумных сроков уголовного судопроизводства (статья 6.1 УПК [Уголовно-процессуального

кодекса] Российской Федерации). Что же касается стадии судебного разбирательства, то закон позволяет суду продлевать срок содержания под стражей только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на три месяца (часть 3 статьи 255 УПК [Уголовно-процессуального кодекса] Российской Федерации). Как указал Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 22 марта 2005 года № 4-П, адресованное суду требование не реже чем через три месяца возвращаться к рассмотрению вопроса о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под стражей, независимо от того, связано ли [это повторное рассмотрение] с какими-либо обращениями сторон или нет, обеспечивает судебный контроль за законностью и обоснованностью применения этой меры пресечения и в случае, если необходимость в ней не будет доказана, ее отмену, что [таким образом] влечет и отмену связанных с нею правоограничений. Таким образом, статья 6.1 УПК [Уголовно-процессуального кодекса] Российской Федерации в нормативном единстве со статьей 255 того же Кодекса не позволяют произвольно затягивать сроки рассмотрения судом уголовного дела, не содержат каких-либо препятствий для обжалования [законмерного] бездействия суда и, соответственно, не предполагают избыточного или не ограниченного по продолжительности содержания лица под стражей.

Таким образом, статья 18 Закона [№ 103-ФЗ] во взаимосвязи с положениями уголовно-процессуального закона [Уголовно-процессуального кодекса], обеспечивающими разумность сроков производства по уголовному делу, не может рассматриваться как отменяющая или умаляющая право подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, на [поддержание] контактов с родственниками или иными лицами, — она лишь устанавливает определенные ограничения, которые действуют в рамках разумного срока уголовного судопроизводства и направлены на достижения конституционно значимых целей (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации), отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты [названных] ценностей и вытекают из самого существа такой меры пресечения, как заключение под стражу, в связи с чем оспариваемая заявителями норма не может расцениваться как нарушающая их конституционные права.

Как следует из жалобы, заинтересованные лица, г-н Беров и г-н Пшибиев, соглашаясь по существу с установленными оспариваемой нормой ограничениями, выражают несогласие с длительностью их [названных ограничений] применения, обусловленной сроком производства по их уголовному делу. Между тем проверка соблюдения принципа разумности сроков уголовного судопроизводства в конкретном уголовном деле не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации (...).

12. 23 декабря 2014 года Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики приговорил первого и второго заявителей к семнадцати и пятнадцати годам лишения свободы соответственно. Согласно справкам, представленным Властями (пункты 28-29 ниже), 16 марта 2016 г. заявители были переведены в исправительные учреждения для отбывания соответствующих сроков лишения свободы.

II. СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ПРАКТИКА

А. Закон № 103-ФЗ от 15 июля 1995 года «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»

13. Права и обязанности лиц, находящихся в местах лишения свободы, регулируются Законом № 103-ФЗ. Согласно части 1 пункта 5 статьи 17 указанного Закона все подозреваемые и обвиняемые имеют право на свидания с родственниками и иными лицами, перечисленными в статье 18 того же Закона.

14. Согласно статье 18 Закона № 103-ФЗ лицу, находящемуся под стражей, на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью до трех часов каждое (часть 3). Свидания осуществляются под контролем сотрудников мест содержания под стражей. В случае попытки передачи задержанному запрещенных к хранению и использованию предметов, веществ и продуктов питания либо сведений, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, свидание прерывается досрочно (часть 4).

В. Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов

15. Приказом № 189 от 14 октября 2005 года Министерство юстиции определило внутренний распорядок следственных изоляторов, который дополняет положения Закона № 103-ФЗ.

16. Пункт 139 указанного документа гласит, что задержанным может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц продолжительностью до трех часов каждое, на которое допускаются одновременно не более двух взрослых человек, и только на основании письменного разрешения, в котором указано, кому и с какими лицами разрешается каждое посещение. Согласно этому положению, осужденному, в отношении которого приговор вступил в законную силу, но еще не обращен к исполнению, свидание предоставляется на основании разрешения председательствующего в судебном заседании по уголовному делу или председателя суда первой инстанции.

17. Пункт 143 вышеуказанного Приказа предусматривает, что свидания проходят под контролем сотрудников СИЗО в специально оборудованных для этих целей помещениях через перегородку, разделяющую заключенных и их посетителя(-ей) и исключающую передачу каких-либо предметов, но не препятствующую переговорам и

визуальному общению. Общение заключенных с лицом (лицами), прибывшим(и) на свидание, осуществляется через переговорное устройство и может прослушиваться сотрудниками следственного изолятора.

С. Судебная практика Конституционного Суда РФ

18. Ряд определений Конституционного суда в отношении права заключенных на свидания, а именно: определения от 13 июня 2002 года № 176-О, от 16 октября 2003 года № 351-О, от 1 октября 2009 года № 1053-О-О, от 17 июня 2010 года № 807-О-О, от 17 июля 2012 года № 1334-О, приведен в Постановлении «Чалдаев против России» (№ 33172/16, §§ 28-29, 29 мая 2019 г.).

Д. Уголовно-исполнительный кодекс

19. Согласно частям 1 и 2 статьи 89 Уголовно-исполнительного кодекса от 8 января 1997 года (далее – УИК), лицам, осужденным за совершение преступлений, предоставляются краткосрочные свидания максимальной продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения. Краткосрочные свидания предназначены для встреч осужденных с членами семьи или иными лицами. Они могут длиться четыре часа и проходят в присутствии представителя администрации исправительного учреждения, при этом осужденные отделены от посетителей стеклянной перегородкой или металлической решеткой. Длительные свидания предоставляются с правом визита супруга (супруги), родителей, детей, усыновителей, усыновленных, братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков, а с разрешения начальника исправительного учреждения – и иных лиц. Длительные свидания проходят в специальной комнате, где учитываются личное пространство и приватность. В отдельных, предусмотренных Кодексом случаях осужденным могут предоставляться длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения продолжительностью не более пяти суток.

20. Согласно статьям 120-131 УИК, число свиданий в год, которыми могут воспользоваться заключенные, зависит от типа исправительного учреждения, в котором они находятся, и применяемого в их отношении режима заключения. Так, число краткосрочных свиданий может составлять от двух до шести в год, а количество длительных свиданий возможно от одного до шести в год.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

21. Относящиеся к делу положения принятой 11 января 2006 года Комитетом министров Совета Европы Рекомендации государствам-членам Rec(2006)2 о Европейских пенитенциарных правилах, гласят следующее:

Часть I

Основные принципы

1. Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение с соблюдением прав человека.
2. Лица, лишённые свободы, сохраняют за собой все права, которых они не были лишены по закону и на основании решения суда, в соответствии с которым они приговорены к заключению или содержатся в предварительном заключении.
3. Ограничения, налагаемые на лиц, лишенных свободы, должны быть сведены к необходимому минимуму и соразмерны законным целям, в силу которых они осуществляются.
4. Отсутствие ресурсов не может служить оправданием для содержания заключённых в условиях, ущемляющих их права человека.
5. Жизнь в местах лишения свободы должна быть, насколько это возможно, приближена к позитивным аспектам жизни в обществе.
6. Содержание под стражей должно быть организовано таким образом, чтобы способствовать возвращению лиц, лишенных свободы, в свободное общество.

(...)

Область применения

10.1. Европейские пенитенциарные правила применяются в отношении лиц, которые содержатся под стражей в соответствии с решением судебного органа, либо в отношении лиц, приговорённых к лишению свободы.

Часть II

Условия заключения

(...)

Контакты с внешним миром

24.1. Заключённым разрешается максимально часто общаться по почте, телефону или с помощью иных средств общения со своими семьями, другими лицами и представителями внешних организаций; также разрешается посещение заключённых указанными лицами.

24.2. Общение и посещения могут быть ограничены либо осуществляться под специальным контролем, если такая мера необходима для продолжения уголовного расследования, поддержания порядка и безопасности, а также предотвращения уголовных преступлений и защиты жертв преступлений. Однако такие ограничения, включая специальные ограничения, устанавливаемые судебным органом, должны допускать приемлемый минимальный уровень общения.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ПШИБИЕВ И БЕРОВ против РОССИИ»

(...)

24.4. Посещения должны быть организованы таким образом, чтобы дать заключенным возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения.

(...)

Часть VII

Заключенные, дела которых ещё не рассмотрены в суде

Статус заключенных, дела которых ещё не рассмотрены в суде

94.1. Для целей настоящих правил термином «заключенные, дела которых ещё не рассмотрены в суде» обозначены заключенные, помещенные под стражу по решению судебного органа до проведения суда или вынесения приговора.

94.2. Государство может рассматривать в качестве лиц, дела которых ещё не рассмотрены в суде, заключенных, которые были осуждены и приговорены к заключению, если еще не закончено рассмотрение поданных ими апелляций.

Режим для заключенных, дела которых ещё не рассмотрены в суде

95.1. Режим для заключенных, дела которых ещё не рассмотрены в суде, не должен определяться исходя из возможности того, что участники дела могут быть осуждены за совершение уголовного преступления.

95.2. Правила настоящей Части предусматривают дополнительные гарантии для заключенных, дела которых ещё не рассмотрены в суде.

95.3. В процессе определения режима для заключенных, дела которых ещё не рассмотрены в суде, пенитенциарные органы должны руководствоваться Правилами, применимыми ко всем заключенным, которые предусматривают участие заключенных, дела которых ещё не рассмотрены в суде, в мероприятиях, предусмотренных указанными Правилами.

(...)

Контакты с внешним миром

99. При отсутствии специального запрета, установленного судебной инстанцией по тому или иному делу на конкретный срок, заключенные, дела которых ещё не рассмотрены:

- а) имеют право на свидания и общение с семьей и другими лицами в том же порядке, что и осужденные заключенные;
- б) имеют право на дополнительные свидания и более упрощенный доступ к другим видам общения;
- с) имеют право получать книги, газеты и другие средства информации».

22. Относящиеся к делу положения Комментария к принятой 11 января 2006 года Комитетом министров Совета Европы Рекомендации государствам-членам Rec(2006)2 о Европейских пенитенциарных правилах гласят следующее:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ПШИБИЕВ И БЕРОВ против РОССИИ»

«Правило 24

(...)

Правило 24.4 подчеркивает особую важность свиданий не только для самих заключенных, но и для их семей. По возможности должны быть разрешены длительные свидания с родственниками (как, например во многих восточноевропейских странах, где разрешены свидания продолжительностью до 72 часов). Подобные длительные свидания позволяют заключенным поддерживать интимные отношения со своими партнерами. Более короткие «супружеские свидания», разрешенные с этой целью, могут унижать достоинство обоих партнеров».

23. На момент принятия настоящего постановления Комитет министров Совета Европы продолжает наблюдение за исполнением решений по целой группе дел, связанных с нарушениями права на свободу и личную неприкосновенность в местах содержания под стражей. К таким относится дело «Кляхин против России» (№ 46082/99, 30 ноября 2004 г.), а также 397 схожих дел, которые, по мнению Комитета министров, требуют усиленного контроля.

7 июня 2018 года на своем 1318-ом заседании Комитет министров принял решение CM/Del/Dec(2018)1318/H46-20, относящиеся к настоящему делу положения которого гласят следующее:

«Делегаты

(...)

Относительно мер общего характера

5. Что касается вопроса о чрезмерно длительном содержании под стражей, с интересом отметили, что в последнее время властями были приняты следующие меры: включая круглые столы, подготовку Верховным судом обзоров практики и правовых позиций международных органов и практики национальных судов по вопросам, связанным с применением и продолжением меры пресечения в виде содержания под стражей, а также распространение и изучение постановлений Европейского суда в рамках соответствующей группы дел;

6. в то же время напомнили о давнем характере этой проблемы, впервые поднятой в 2002 году (дело Калашникова), и отметили отсутствие достаточного прогресса, несмотря на меры, призванные улучшить законодательство и правоприменительную практику, а также меры по повышению информированности и профессиональной подготовки;

7. призывали власти приложить дополнительные усилия для обеспечения соблюдения Конвенции в этой области, в том числе посредством возможной законодательной реформы, улучшения практики работы правоохранительных органов, и посредством базовой подготовки судей и повышения их квалификации, с возможным использованием программ сотрудничества Совета Европы (...)

5 декабря 2019 года на своем 1362-ом заседании Комитет министров принял решение CM/Del/Dec(2019)1362/H46-25, относящиеся к настоящему делу положения которого гласят следующее:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ГШИБИЕВ И БЕРОВ против РОССИИ»

«Делегаты

1) напомнили, что данная группа дел касается нарушений права на свободу и личную неприкосновенность в контексте содержания под стражей, главным образом ввиду того, что национальные суды не привели соответствующие и достаточные основания, обосновывающие продление сроков нахождения заявителей под стражей;

(...)

Относительно мер общего характера

(...)

9. с интересом отметили меры общего характера, принятые на данный момент властями с целью разрешения проблемы неспособности национальных судов предоставить относимые к делу и достаточные основания, обосновывающие продление сроков содержания под стражей, включая обзоры Верховного суда и обобщения практики Европейского суда, тематические министерские и межведомственные совещания с участием Следственного комитета, Министерства внутренних дел и Генеральной прокуратуры, а также различные мероприятия, направленные на повышение осведомленности, в частности, мероприятия с участием Совета Европы; рекомендовали властям продолжать работу по принятию других дополнительных мер такого характера;

10. поприветствовали тот факт, что количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах, сократилось примерно на 14% в период с 2016 по 2018 год, главным образом потому, что следователи реже ходатайствуют о заключении под стражу или о продлении срока содержания под стражей; предложили властям пояснить, почему по-прежнему остается высоким уровень удовлетворения судьями ходатайств следователей (например, процент удовлетворения ходатайств о продлении срока содержания под стражей составляет 97%);

11. поприветствовали недавние законодательные реформы, касающиеся изменения статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса, которые решили проблему неясности законодательства, касающегося продления сроков содержания под стражей в целях ознакомления с материалами дела, и обязали следователей более содержательно обосновывать их ходатайства о заключении лиц под стражу; и рекомендовали властям продолжить включение принципов статьи 5, которые уже неоднократно освещались Верховным судом в его постановлениях Пленума (в частности в постановлении № 41, принятом 19 декабря 2013 года), непосредственно в национальное законодательство (как указано в пункте 202 пилотного постановления «Ананьев и другие»), в частности следующего принципа: чем дольше лицо находится под стражей, тем больше подробных причин, обосновывающих продление срока содержания такого лица под стражей, должно быть указано судьей. Этот принцип трудно согласовать с действующей редакцией статьи 110 Уголовно-процессуального кодекса (...).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

24. Заявители жалуются на невозможность получить длительные свидания с их родственниками и семьями во время их пребывания в СИЗО. Помимо этого, они жалуются на условия проведения краткосрочных свиданий, которыми они смогли воспользоваться. В частности, они жалуются на то, что были лишены возможности иметь физический контакт со своими близкими из-за перегородки, установленной в комнате для свиданий, и на наличие прослушки в устройствах, предназначенных для общения. Они ссылаются на статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

A. Приемлемость

25. Отметив, что данная жалоба не является явно необоснованной или неприемлемой по какой-либо другой причине, указанной в статье 35 Конвенции, Суд признает ее приемлемой.

B. Существо

1. Аргументы сторон

а) Власти

26. Власти подробно изложили содержание относящихся к делу статей Закона № 103-ФЗ и правил внутреннего распорядка следственных изоляторов, в которых, помимо прочего, описаны типы свиданий, правом на которые располагают лица, содержащиеся под стражей, условия их предоставления, длительность и условия их проведения (пункты 13-17 выше). Они приводят подробную цитату из определения Конституционного суда от 7 февраля 2013 года № 133-О (пункт 11 выше) и повторяют выводы указанного суда, согласно которым ограниченность предоставляемых подозреваемому или обвиняемому свиданий по их количеству, продолжительности и

условиям проведения является неизбежным следствием их помещения под стражу.

27. Далее Власти отмечают, что, согласно статье 74 УИК, следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений только для осужденных, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу. Они уточняют, что по этой причине национальное законодательство не предусматривает предоставление длительных свиданий лицам, помещенным в следственный изолятор, приговор в отношении которых еще не вступил в силу.

28. Что касается количества краткосрочных свиданий, полученных заявителями, Власти сослались на справки, составленные 4 сентября 2019 г. администрацией следственного изолятора.

Согласно этим справкам, первый заявитель был помещен в СИЗО в период с 26 октября 2005 года по 15 марта 2016 года, он получил разрешение на 15 краткосрочных свиданий продолжительностью полтора часа каждое (в период с 20 марта 2013 года по 17 сентября 2015 года), и на этих свиданиях допускалось присутствие не более трех человек, включая двух взрослых (жену, мать, сына, сестру или дядю заявителя) и одно несовершеннолетнее лицо (сына заявителя).

29. Также, согласно вышеуказанным справкам, второй заявитель был помещен в СИЗО в период с 29 октября 2005 года по 15 марта 2016 года, ему были предоставлены 14 краткосрочных свиданий продолжительностью в полтора часа каждое (в период с 25 января 2013 года по 11 сентября 2015 года), и на этих свиданиях допускалось присутствие не более трех человек, включая двух взрослых (жену, мать либо сестру заявителя) и одно несовершеннолетнее лицо (дочь либо племянницу заявителя).

30. Что касается условий краткосрочных свиданий, которые получили заявители, Государство-ответчик подтверждает, что встречи проходили под постоянным контролем надзирателей в помещениях с перегородкой, исключающей какой-либо физический контакт с посетителями за счет металлической решетки, и что заявители общались со своими близкими через телефонное устройство, которое могла прослушивать администрация СИЗО.

31. Власти признают, что ограничения, наложенные на количество свиданий, предоставленных заявителям, и условия их проведения являются вмешательством в право заявителей, защищенное статьей 8 Конвенции, но утверждают, что данное вмешательство является пропорциональным преследуемым законным целям, а именно целям охраны порядка и предотвращения преступлений. В связи с этим они ссылаются на прецедентную практику Суда, касающуюся прав заключенных: дело «Силвер и другие против Соединенного Королевства», 25 марта 1983 г., серия А № 61, «Бойл и Райс против Соединенного Королевства», 27 апреля 1988 г., серия А № 131,

ЕСПЧ 2000-VIII, «Эстрих против Латвии», № 73819/01, 18 января 2007 г., «Пехович против Польши», № 20071/07, 17 апреля 2012 г., и «Эпнерс-Гефнерс против Латвии», № 37862/02, 29 мая 2012 г.). Они также ссылаются на Правило 24.2 Европейских пенитенциарных правил (см. пункт 21 выше). По утверждению Властей, внутреннее законодательство обеспечивает справедливый баланс между, с одной стороны, интересами общества и, с другой стороны, интересами лиц, находящихся под стражей, в отношении их права на свидания с родственниками.

b) Заявители

32. Заявители настаивают на своей жалобе. Они утверждают, что в ходе предварительного следствия следователь, который вел их уголовное дело, выдавал разрешение на свидания с близкими редко, а именно не более, чем один раз в месяц. Первый заявитель добавляет, что в первые 18 месяцев его заключения в СИЗО следователь выдал разрешение всего на одно свидание с семьей. По словам заявителя, отказы на его ходатайства о предоставлении свиданий с семьей были обоснованы «интересами следствия и процесса, а также необходимостью защитить тайну следствия и избежать какого-либо вмешательства со стороны подозреваемых». Далее он отмечает, что следователь пользовался своими дискреционными полномочиями в плане предоставления свиданий с родственниками как средством давления, чтобы заставить заявителя признать вину в обмен на возможность видеться с близкими.

33. Затем заявители указывают, что на стадии судебного рассмотрения их уголовного дела частота предоставления свиданий с близкими увеличилась. Тем не менее, несмотря на то что законом предусмотрено предоставление свиданий продолжительностью до трех часов каждое, на деле, время, выделенное на общение заявителей с родственниками, редко превышало два часа, а то и вовсе было меньшим, так как администрация СИЗО произвольно укорачивала продолжительность свиданий. В этой связи заявители ссылаются на справки из СИЗО, представленные Властями (пункты 28-29 выше).

34. Наконец, заявители утверждают, что редкость свиданий и их ограниченность по времени, на которые они жаловались, усугублялись невозможностью иметь физический контакт со своими близкими, так как они были отделены от них перегородкой. По словам заявителей, национальные власти были неспособны найти гибкий подход в отношении организации свиданий с родственниками, позволяющий определять, отвечает ли запрет на длительные свидания или сокращение продолжительности краткосрочных свидания целям конкретного случая.

35. Также, по утверждениям заявителей, ввиду невозможности воспользоваться правом на длительные свидания на протяжении более десяти лет, при том, что их вина не была доказана, они оказались в ситуации, схожей с положением осужденных, отбывающих пожизненное заключение. Заявители ссылаются в этой связи на дело «Хорошенко против России» ([БП], № 41418/04, ЕСПЧ 2015).

2. Оценка Суда

а) Об условиях предоставления краткосрочных свиданий

36. Суд напоминает, что ограничения, наложенные на частоту и продолжительность свиданий, а также на различные условия их проведения являются посягательством на право заявителей на частную и семейную жизнь в соответствии со статьей 8 Конвенции (дело «Мессина против Италии (№ 2)», № 25498/94, §§ 61-62, ЕСПЧ 2000-Х, «Моисеев против России», № 62936/00, § 247, 9 октября 2008 г.; «Богуслав Кравчак против Польши», № 24205/06 31 мая 2011 г., § 112, и «Андрей Смирнов против России», № 43149/10, § 38, 13 февраля 2018 г.). Вместе с тем вмешательство не противоречит Конвенции, если оно «предусмотрено законом», преследует законную цель (законные цели) согласно пункту 2 статьи 8 и если оно является «необходимым в демократическом обществе» (упомянутое выше дело «Мессина (№ 2)», § 63).

37. Что касается российских следственных изоляторов, Суд установил, что разделение заявителей и их посетителей с помощью перегородки, которая исключает любой физический контакт, является неоправданной мерой ввиду отсутствия конкретных доказательств того, что заявитель представлял опасность либо присутствовал риск для безопасности или риск сговора (дело «Моисеев», упомянутое выше, §§ 257-259, «Андрей Смирнов», упомянутое выше, § 55, и «Чалдаев», упомянутое выше, § 60).

38. Рассмотрев все предоставленные материалы, Суд считает, что Государство-ответчик не смогло предоставить информацию фактологического или юридического характера, позволяющую прийти к другому заключению по этому вопросу.

39. Он отмечает, что Власти подтвердили, что во время разрешенных заявителям свиданий они были отделены от своих родственников стеклянной перегородкой и общались с ними под контролем надзирателя через телефонное переговорное устройство, позволяющее администрации СИЗО прослушивать их разговоры (пункт 30 выше).

40. Суд указывает, что ограничения, наложенные на разрешенные заявителям свидания, основывались на пункте 143 правил внутреннего распорядка СИЗО и автоматически распространялись на всех

заключенных (пункт 17 выше). В связи с этим он отмечает, что в отношении права на посещения государство не располагает полной степенью свободы, чтобы принимать общие ограничительные правила, которые не предполагают некой гибкости, позволяющей определять, являются ли ограничения по конкретным делам целесообразными или действительно необходимыми (дело «Хорошенко», упомянутое выше, § 126, «Андрей Смирнов», упомянутое выше, § 54, и «Чалдаев», упомянутое выше, § 64).

41. Суд отмечает, что в данном деле отсутствовало какое-либо предварительное изучение вопроса, о том, оправдываются ли характером преступления или конкретными особенностями личности заявителей, либо действующими в СИЗО требованиями безопасности, наличие на протяжении всего срока заключения перегородки, исключаящей любой физический контакт заявителей с их близкими, а также присутствие надзирателей во время их свиданий.

42. Изложенные Суду обстоятельства являются достаточными, чтобы заключить, что в этом случае была нарушена статья 8 Конвенции.

b) О невозможности получения длительного свидания

43. Суд отмечает, что сторонами не оспаривается, что невозможность для заявителей получить длительные свидания являлась вмешательством в их право на уважение их частной и семейной жизни. Суд не видит оснований для того, чтобы прийти к иному заключению (см. в том же ключе, упомянутое выше дело «Эстрих», § 169, и «Ресин против России», № 9348/14, § 24, 18 декабря 2018 г.). Далее Суд отмечает, что такое вмешательство предусмотрено Законом № 103-ФЗ. По утверждению Властей, рассматриваемый запрет был наложен в целях охраны порядка и предотвращения преступлений (пункт 31 выше). Исходя из предположения о том, что оспариваемое ограничение преследовало законную цель так, как это истолковано в пункте 2 статьи 8 Конвенции, остается определить, являлось ли это вмешательством, «необходимым в демократическом обществе».

44. Суд вновь напоминает, что, несмотря на то, что всякое тюремное заключение естественным образом подразумевает ограничение частной и семейной жизни участника дела, в целях соблюдения права заключенного на уважение его семейной жизни необходимо, чтобы администрация исправительного учреждения и другие компетентные органы помогали заключенному поддерживать контакт с родными (см. § 61 дела «Мессина (№ 2)»). Этот принцип применяется *a fortiori* к заключенным, в отношении которых еще не был вынесен приговор и которых следует считать невиновными на основании пункта 2 статьи 6 Конвенции, за тем исключением, когда

потребности предварительного следствия требуют иного подхода (дело № 76843/01 «Назаренко против Латвии», § 73, от 1 февраля 2007 года и вышеупомянутое дело «Андрей Смирнов», § 36, а также процитированные в нем дела).

45. В данном случае, Суд отмечает, что Закон № 103-ФЗ исключает какую-либо возможность для лиц, содержащихся в следственных изоляторах, получать длительные свидания, что также подтверждают Власти (п. 27 выше). Он отмечает, что такое ограничение прав на посещения для лиц, находящихся под следствием, является общеприменимым и не зависит от причин содержания участников дела под стражей, стадии уголовного производства, возбужденного против них, и соображений безопасности.

46. Суд принимает во внимание позицию Государства-ответчика, согласно которой ограниченность предоставляемых подозреваемому или обвиняемому свиданий по их количеству, продолжительности и условиям проведения является неизбежным следствием данной меры пресечения, состоящей в изоляции лица в специальном месте под охраной (п. 26 выше). Тем не менее Суд не считает данный аргумент убедительным. Он вновь напоминает, что, согласно прочно сложившейся прецедентной практике в этой сфере, лица, находящиеся под следствием, продолжают располагать всеми фундаментальными правами и свободами, гарантированными Конвенцией, за исключением права на свободу (см. упомянутое выше дело «Хорошенко», § 116). Следовательно, лица, находящиеся в следственном изоляторе, не теряют своих прав, гарантированных им Конвенцией, в том числе права на семейную жизнь, и любой случай ограничения таких прав должен иметь четкое обоснование (там же, § 117). Таким образом, наложенные на заявителей ограничения не могут рассматриваться как неизбежное следствие их содержания под стражей, и Властям следует продемонстрировать их необходимость.

47. Суд отмечает, что Власти ссылаются на практику Конституционного суда Российской Федерации, согласно которой отсутствие в Законе № 103-ФЗ положений, разрешающих лицам, находящимся под следствием, получать длительные свидания компенсируется гарантиями, которые обеспечивает Уголовно-процессуальный кодекс в отношении срока предварительного заключения и срока уголовного судопроизводства: согласно УИК, они не могут превышать разумные пределы (пункты 11 и 18 выше).

48. Суд полагает, что право лиц, находящихся под стражей, на частную и семейную жизнь можно обеспечить разными способами, включая сокращение срока, в течение которого указанные лица находятся под стражей. Даже если национальное законодательство предусматривает такие механизмы, важно, чтобы они были эффективными не только в теории, но и на практике. В этом контексте

Суд вновь напоминает, что он постановил следующее: проблема чрезмерной длительности содержания подозреваемых и обвиняемых в уголовных преступлениях в следственных изоляторах имеет структурный характер в российском правовом порядке и является следствием практик, не совместимых с Конвенцией (см. дело № 51445/09 «Жеребин против России», §§ 74-80, 24 марта 2016 г.). Согласно указаниям Комитета министров Совета Европы по исполнению дел, касающихся чрезмерной длительности содержания под стражей, на данный момент эта проблема так и не была решена на национальном уровне (п. 23 выше). Принимая во внимание эти элементы, Суд полагает, что несовершенство внутренних механизмов, призванных защищать право на свободу, в частности право на проведение судебного разбирательства в разумные сроки, оказывает негативное влияние на соблюдение права на уважение частной и семейной жизни лиц, находящихся под стражей.

49. Суд считает, что настоящее дело представляет собой пример такого негативного влияния, так как заявители находились в предварительном заключении более десяти лет. Хотя у Суда отсутствует необходимость высказываться о продолжительности предварительного заключения в данном деле, после подробного изучения его влияния на частную и семейную жизнь заявителей Суд полагает, что указанный срок был слишком длительным и мог повлечь серьезные последствия, затрагивающие возможность заявителей поддерживать и развивать отношения с семьей (см., *a contrario*, упомянутое выше дело «Назаренко», § 75, в котором Суд заключил, что жалоба заявителя по поводу отсутствия у него возможности получить разрешение на длительные свидания с женой являлась необоснованной ввиду относительно короткого срока его содержания под стражей – примерно четыре месяца).

50. Суд отмечает, что заявители жалуются, что они столкнулись с отсутствием возможности получить длительные свидания, являющимися единственным для них способом иметь физический контакт с родственниками. Внутреннее законодательство Российской Федерации действительно не предлагает никаких гибких механизмов по организации посещений в следственных изоляторах (пункты 16-17 выше). Однако Суд вновь напоминает, что в каждом отдельном случае любые ограничения, наложенные на право на посещение заключенных, должны иметь обоснования, в частности такие, как поддержание порядка и безопасности либо необходимость защиты законных интересов следствия (см. упомянутое выше дело «Моисеев», § 258, и приведенные в нем ссылки).

51. Несмотря на то что во время рассмотрения уголовного дела заявители получали разрешение на проведение свиданий, Суд считает, что их условия, предполагающие невозможность обеспечить

физический контакт между подсудимыми и их близкими, что продолжалось более десяти лет, не предоставили участникам дела возможности поддерживать «допустимый» или разумно «достаточный» контакт со своими семьями (подробнее о негативных последствиях длительного отсутствия физического контакта см. вышеупомянутое дело «Хорошенко», § 143, а также вышеупомянутое дело «Моисеев», § 258). В связи с этим, согласно Правилу 24.4 Европейских пенитенциарных правил, свидания должны быть организованы таким образом, чтобы дать заключенным возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения (пункт 21 выше). Комментарий к Правилу 24.4 подчеркивает особую важность свиданий не только для самих заключенных, но и для их семей, и рекомендует по возможности предоставлять длительные свидания с родственниками (пункт 22 выше).

52. Суд утверждает, что в соответствии с УИК осужденные имеют право не менее чем на одно длительное свидание в год (пункты 19-20 выше), тогда как закон № 103-ФЗ не предусматривает возможности для лиц, содержащихся в СИЗО, к числу которых относятся заявители, получать длительные свидания (дело «Ресин», упомянутое выше, § 40, и «Чалдаев», упомянутое выше, § 77). В связи с этим Суд принимает во внимание Правило 99 Европейских пенитенциарных правил, согласно которому при отсутствии специального запрета, установленного судебной инстанцией по тому или иному делу на конкретный срок, лица, находящиеся под следствием, имеют право на свидания и общение с семьей и другими лицами на тех же условиях, что и осужденные заключенные. Кроме того, лица, находящиеся под следствием, имеют право на дополнительные свидания и более упрощенный доступ к другим видам общения (пункт 21 выше).

53. Учитывая важность поддержания отношений с людьми и поддержания семейных отношений для каждого человека, включая лиц, находящихся в местах лишения свободы, Суд считает, что в данном деле национальным законодательством не были предоставлены достаточные гарантии, обеспечивающие право заявителей на уважение их частной и семейной жизни. Невозможность для заявителей получать длительные свидания на протяжении более десяти лет, усугубленная отсутствием гибкости национальной законодательной системы в отношении условий проведения краткосрочных посещений, которые исключали любой физический контакт, являлась вмешательством в право заявителей на уважение частной и семейной жизни, которое не было необходимым в демократическом обществе.

54. Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

55. Согласно статье 41 Конвенции:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

A. Ущерб

56. Заявители требуют по 40 000 евро каждому в качестве компенсации нанесенного им морального вреда.

57. Власти считают, что, если Суд установит нарушение Конвенции в настоящем деле, размер справедливой компенсации должен быть установлен в соответствии с его прецедентной практикой.

58. Принимая во внимание исключительную длительность нарушения статьи 8 (п. 53 выше) Суд присудил каждому заявителю по 13 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

B. Судебные расходы и издержки

59. Заявители требуют 3 228,04 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных при разбирательстве дела в Суде. В качестве обоснования они предоставили договор об оказании правовой помощи, заключенный между первым заявителем и фондом «Stichting Justice Initiative», а также отчет об отработанных часах, предоставленный указанным Фондом. Они также просят, чтобы присужденная Судом сумма была перечислена непосредственно на банковский счет этого фонда.

60. Власти не представили комментарии в этом отношении.

61. Согласно прецедентной практике Суда, заявитель может получить возмещение своих затрат и расходов только в той мере, в какой они являются реальными и необходимыми, а их размер – разумным. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся документы и вышеуказанные критерии, Суд считает разумным присудить 3 000 евро для покрытия всех видов понесенных заявителями издержек, вместе взятых, которые должны быть перечислены напрямую на банковский счет фонда «Stichting Justice Initiative».

C. Проценты за просрочку платежа

62. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной

учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобу приемлемой;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции ввиду ограничений, наложенных на краткосрочные свидания для заявителей, а также невозможности иметь длительные свидания;
3. *Постановил*,
  - a) что государство-ответчик должно выплатить в течение трех месяцев с даты вступления в силу постановления в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы:
    - i. 13 000 евро (тринадцать тысяч евро) каждому из заявителей в качестве компенсации морального вреда, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, вышеуказанные средства должны быть конвертированы в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату расчета;
    - ii. 3 000 евро (три тысячи евро) обоим заявителям совместно для покрытия судебных расходов и издержек, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, для покрытия судебных расходов и издержек, указанные денежные средства должны быть перечислены на банковский счет фонда «*Stichting Justice Initiative*»;
  - b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
4. *Отклонил* остальные требования о справедливой компенсации.

Составлено на французском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 9 июня 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 77 Регламента.

Милан Блашко
Секретарь

Пол Лемменс
Председатель

